

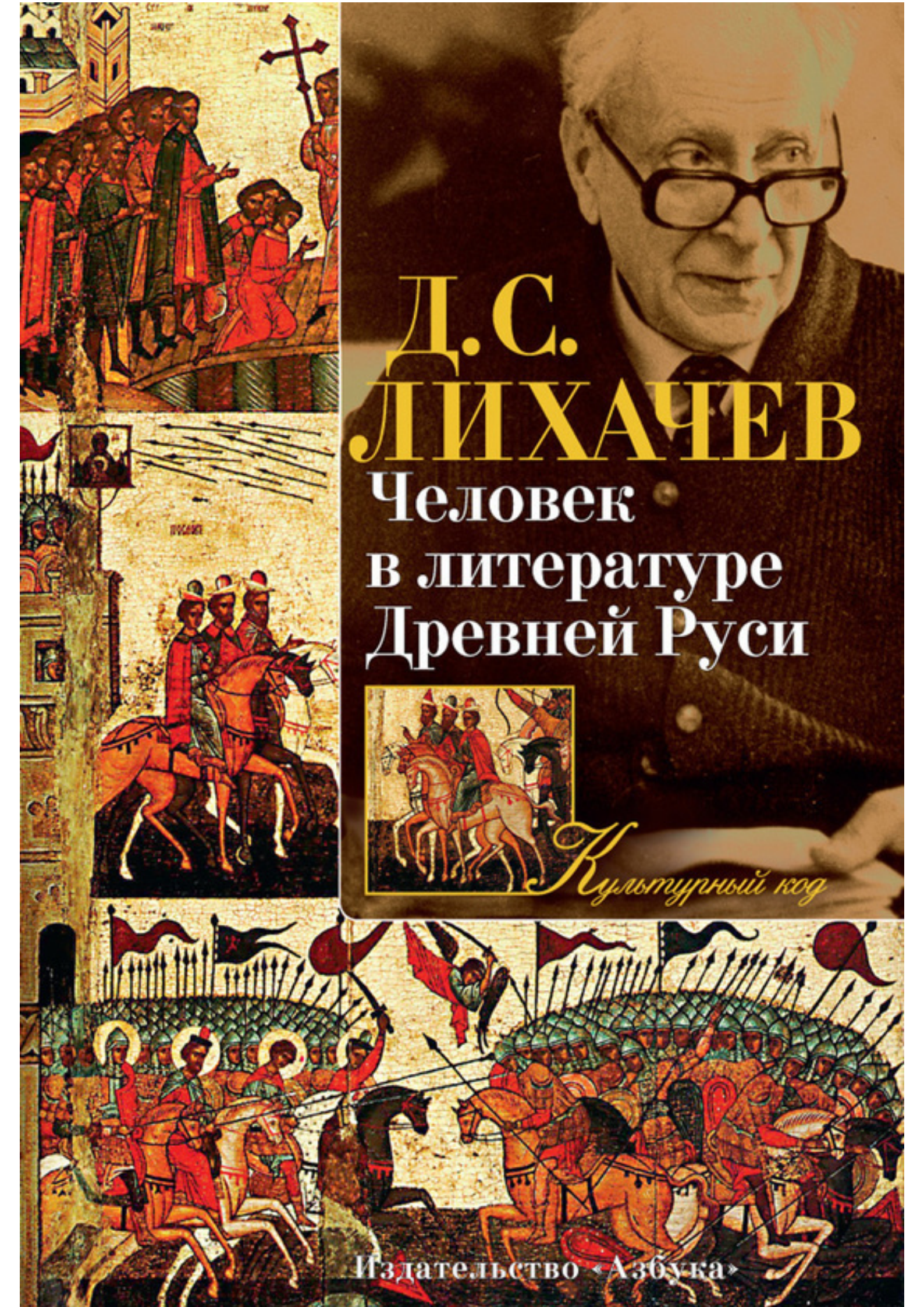

Д.С.
ЛИХАЧЕВ

Человек
в литературе
Древней Руси

Культурный код

Издательство «Азбука»

Культурный код

Дмитрий Лихачев

**Человек в литературе
Древней Руси**

«Азбука-Аттикус»

1958

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1

Лихачев Д. С.

Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев —
«Азбука-Аттикус», 1958 — (Культурный код)

ISBN 978-5-389-12822-4

Дмитрий Сергеевич Лихачев – выдающийся ученый XX века, филолог, искусствовед, публицист. Его творческое наследие чрезвычайно обширно и разнообразно, его монографии, статьи и заметки касались различных вопросов истории культуры. Но в первую очередь имя Д. С. Лихачева связано с древнерусской литературой, в изучение которой он внес огромный вклад, был ее неутомимым пропагандистом. Книга «Человек в литературе Древней Руси» впервые увидела свет в 1958 году и с тех пор неоднократно переиздавалась. Эта работа, переведенная на иностранные языки, по праву считается одним из основополагающих исследований, посвященных древнерусской письменности. Человек в литературе Древней Руси, о котором размышляет Д. С. Лихачев, – это и автор, и герой. Выдвигая новаторскую теорию культурно-исторических стилей в средневековой литературе, ученый показывает специфику художественного видения и методов изображения человека в контексте философской, этической и эстетической мысли эпохи. В формате pdf A4 сохранен издательский макет, включая именной указатель, указатель произведений и предметно-тематический указатель.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-389-12822-4

© Лихачев Д. С., 1958

© Азбука-Аттикус, 1958

Содержание

Вступительные замечания	7
Глава первая	9
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Лихачев

Человек в литературе Древней Руси

Издательская Группа «Азбука-Аттикус» выражает благодарность Фонду имени Д. С. Лихачева за предоставленные материалы.

© Д. Лихачев (наследники), 2015

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Вступительные замечания

Настоящая книга посвящена человеку в литературе Древней Руси. В книге сделана попытка рассмотреть художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения. Читатель не найдет в ней упоминаний «формы» и «содержания» как таковых, но вся она в конечном счете стремится к рассмотрению художественной формы в ее живом единстве с содержанием.

* * *

Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества. В соотношении с изображением человека находится и все остальное: не только изображение социальной действительности, быта, но также природы, исторической изменчивости мира и т. д. В тесном контакте с тем, как изображается человек, находятся и все художественные средства, применяемые писателем.

Литература Древней Руси знала несколько стилей в изображении человека¹. В основном они последовательно сменяют друг друга, но иногда существуют и параллельно – в разных жанрах, обслуживающих разные потребности общества.

Конечно, тот или иной стиль в изображении человека в совершенно «чистом» виде проявлялся более или менее редко. Исключения постоянны. Характеризуя тот или иной стиль, мы имеем в виду лишь *преобладающие* явления. Системы стилей постоянно нарушаются. В этом есть определенная закономерность; если бы не было нарушений стилистических систем, то не было бы и движения литературы вперед. Восстанавливая ту или иную систему стиля в изображении человека, мы стремимся прежде всего создать у читателя живое представление об этой системе, непосредственное ощущение стиля.

П. Я. Чаадаев писал: «Итак, вот наше правило: будем размышлять о фактах, которые нам известны, и постараемся держать в уме больше живых образов, чем мертвого материала»².

* * *

Читатель найдет в книге отсылки к произведениям живописи. Цель их – показать соответствия, существовавшие в изображении человека в литературе и в живописи. Эти соответствия позволяют во многих случаях глубже понять и отчетливее ощутить особенности того или иного стиля в изображении человека, но эти соответствия не следует абсолютизировать.

В иных случаях живопись обгоняет литературу и дает значительно более совершенные изображения человека, в других – литература опережает живопись. Всемирно прославленная живопись Андрея Рублева и его времени превосходит литературу тонкостью психологического анализа и глубиной проникновения во внутренний мир человека. Однако «оправдание человека» и открытие ценности человеческой личности, имевшие место в демократической литературе XVII в., не находят прямых соответствий в живописи того же времени. Наиболее полное слияние художественных принципов изображения человека в литературе и в живописи находим мы в монументальном стиле XI–XIII вв. Для этой эпохи

¹ Здесь и в дальнейшем я говорю о стиле так, как говорят о стиле искусствоведы: в широком значении этого слова. Я говорю о стиле литературы, а не о стиле литературного языка. Последний входит в первый как часть.

² Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо третье // Гершензон М. П. Я. Чаадаев: Жизнь и мышление. СПб., 1908. С. 255.

характерен своеобразный полный синтез всех искусств: монументальная живопись (мозаика, фрески) подчинена формам зодчества, зодчество своими простыми поверхностями служит удобной основой для монументальной живописи. Письменность, в значительной мере рассчитанная для чтения вслух во время монастырских трапез (жития святых), для произнесения в храмах (проповеди, жития), для импозантного окружения княжеского быта, отвечает тем же потребностям, что архитектура и живопись, развивает общий с нею монументальный стиль в изображении человека.

Впрочем, соотношения литературы с другими искусствами требуют внимательного изучения. В данной книге они только намечаются.

* * *

Главы настоящей книги не следуют хронологии историко-литературного процесса. Книга не стремится изобразить *историю* изображения человека, хотя и должна давать материалы для этой истории, поднимая некоторые общие вопросы, связанные с изменением формы изображения человека.

Удобнее всего оказалось начать книгу с перелома в изображении человека, с кризиса средневекового способа изображения человека, наступившего в начале XVII в. Затем необходимо было вернуться к эпохе классического расцвета средневекового монументального стиля в изображении человека – к XI–XIII вв. Затем в книге следуют главы, описывающие отдельные стили и затрагивающие отдельные проблемы изображения человека.

Разнородность материала отчасти определила собой разнородность глав. Одни из глав посвящены крупным стилистическим системам, внутренне законченным и отразившимся во многих произведениях (таков стиль монументального историзма или эмоционально-экспрессивный). Другие главы касаются лишь элементов слабо проявившихся стилей (стиля эпического, стиля «психологической умиротворенности»). Естественно, что главы резко различаются по своему наполнению фактическим материалом.

* * *

Перед читателем второе издание моей книги «Человек в литературе Древней Руси». Со времени первого издания (М.: Л., 1958) прошло более десяти лет. За это время накопилось много нового материала, подтверждающего и развивающего отдельные характеристики стилей в изображении человека, но я решил не включать их в книгу. Она разрослась бы в объеме и в результате утратила бы свою цельность. Дело ведь не в количестве материала, а в его убедительности. Поэтому я ограничиваюсь лишь некоторыми улучшениями и уточнениями. Мною приняты во внимание рецензии, появившиеся на первое издание у нас и за рубежом, а также замечания, сделанные мне в частных письмах Б. М. Эйхенбаумом и Н. Н. Ворониным.

Глава первая

Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.

В русской истории – в том виде, как она писалась дворянскими и буржуазными историками XIX в., – есть одно странное и вызывающее недоумение обстоятельство.

Сильные характеры и яркие характеристики этих сильных характеров возникают в изложении ее только с XVI в.

Это особенно ясно уже у Карамзина. Карамзин ставил себе одной из главных задач раскрыть читателю «характер наших древних героев». И при этом он признавался сам: «До сих пор (т. е. до XVI в.) я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую»³. Первым характером, на котором прерывалась эта «степь африканская» для Карамзина, был характер Грозного. В письме к А. И. Тургеневу он сообщал: «Оканчиваю Василя Ивановича и мысленно уже смотрю на Грозного, какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного царствования! Тогда она будет, как павлин без хвоста»⁴.

Казалось бы, Иван Грозный – первый сильный характер в изложении русской истории. За ним следует ряд других: Борис, Самозванец, Гермоген...

Ту же мысль – об отсутствии до Грозного ярких характеров в повествовательных источниках по русской истории – находим мы и у В. О. Ключевского: «Исторические памятники XIV и XV вв. не дают нам возможности живо воспроизвести облик каждого из этих князей. Московские великие князья являются в этих памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий»⁵.

И у Ключевского, как и у Карамзина, яркие характеристики «древних героев» русской истории начинаются только с Грозного.

Вспомним, что и у других историков, и в исторической беллетристике, и в исторической драматургии, и в исторической живописи главные характеры, привлечшие наибольшее внимание ученых, поэтов, драматургов, беллетристов, художников, – это Грозный, Борис, Самозванец, Шуйский, Гермоген и т. д. Чем объяснить такое странное положение? Неужели и в самом деле сложные и сильные характеры появляются в русской истории только с половины XVI в.?

Как это было видно из приведенных слов Ключевского и как будет ясно из дальнейшего, многое в этом положении зависело от самих исторических источников. Это особенно ясно у Карамзина, который ставил себе главной задачей художественный пересказ древних источников. Однако и в других случаях, когда мы имеем дело с тем же «художественным» воссозданием исторической действительности (у Соловьева, у Ключевского), мы видим то же следование источникам, их характеристикам. Образы русских исторических деятелей второй половины XVI – начала XVII в. были подсказаны этими источниками главным обра-

³ *Погодин М. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 2. С. 87. Письмо из Парижа 1790 г.*

⁴ Там же. С. 119.

⁵ *Ключевский В. О. Курс русской истории. М.; Пг., 1923. Ч. 2. С. 58–59.*

зом «художественно». Поразительные по своеобразием характеристики, созданные в повествовательной литературе начала XVII в., воздействовали на всю историческую литературу последующего времени. Пересматривались факты, но не пересматривались характеристики. Критически взвешивались все сведения частного характера, но в обрисовке действующих лиц истории ученые и писатели нового времени долго оставались в плену у художественных образов, созданных авторами начала XVII в.

Начало XVII в. было временем, когда человеческий характер был впервые «открыт» для исторических писателей, предстал перед ними как нечто сложное и противоречивое⁶. До XVII в. проблема «характера» вообще не стояла в повествовательной литературе. Литература Древней Руси была внимательна к отдельным психологическим состояниям. Как мы увидим в дальнейшем, эта внимательность в XIV и последующих веках бывала иногда даже чрезмерной. Психологические состояния, отдельные человеческие чувства, страсти рассматривались со столь близкого расстояния, что они заслоняли собой самого человека, казались огромными, преувеличенными и не связанными друг с другом. Жития, хронограф, религиозно-дидактическая литература описывали душевные переломы, учили о своеобразной «лестнице страстей», о саморазвитии чувств и т. д. Этот интерес к человеческой психологии диктовался теми особыми целями, которые ставила перед собой проповедническая и житийная литература. Громадный опыт изучения человеческой психологии не применялся к светским героям русской истории.

Жанровые разграничения в древнерусской литературе, как это мы увидим позднее, были настолько велики, что опыт одного жанра не скоро мог быть перенесен в другой. То, что казалось уместным при анализе психологии рядового грешника, рядового человека, служившего объектом церковной проповеди, или при анализе психологии святого, не сразу могло быть перенесено на лицо вполне светское – на русского князя, русского боярина, военачальника.

Вот почему возможность углубиться в психологию исторического деятеля, анализировать не отвлеченный объект дидактических размышлений, и не идеального святого, и не одно какое-либо человеческое чувство, психологическое состояние и т. д., а конкретного современника явилась целым открытием в литературе. И это «открытие» настолько поразило воображение исторических писателей, что они в основном устремили свое внимание именно сюда, на сложность человеческой личности, поставили ее в центр своих сочинений и свое отношение к историческим характерам сделали главным объектом своего писательства. Характеристики, данные ими своим современникам, и создали впечатление у историков XIX в., что «характеры» в русской истории появляются только с Грозного.

⁶ Мысль об «открытии» человеческого характера в литературе начала XVII в. была впервые высказана О. А. Державиной в статье «Анализ образов повести XVII в. о царевице Димитрии Угличском». Приведу полностью высказывание О. А. Державиной. Говоря о размышлениях дьяка Ивана Тимофеева по поводу характера Бориса Годунова, О. А. Державина пишет: «Такое размышление над характером человека (мы встречаем его в зачаточном виде и у других писателей начала XVII в.) – большая новость в древней русской литературе, где личность обычно была выразительницей божественной воли или сосудом дьявольским. Правда, у писателей XVII в., рядом с этой новой чертой, почти всюду мы читаем и ссылку на Сатану, врага рода человеческого, который вливает злые мысли в голову Бориса, – так, новые черты сосуществуют рядом со старым традиционным, средневековым объяснением. Но все же появление этих элементов подлинной характеристики очень знаменательно. Оно указывает на растущий интерес к человеку как личности, к его индивидуальным, отличающим его от других людей, особенностям. В сложном образе Годунова древнерусский писатель впервые столкнулся с нелегкой задачей – дать характеристику живого человека, в котором перемешаны и хорошие и дурные качества, которого, как выдающуюся личность с ярко выраженной индивидуальностью, нельзя уложить в привычную схему. И надо сказать, что лучшие из писателей XVII в. справились со своей задачей неплохо. Мешало делу предвзятое мнение, с которым все они вольно или невольно подходили к личности Годунова, и та дидактическая цель, какую они себе ставили» (Учен. зап. МГПИ. Каф. рус. лит. М., 1946. Т. 7. Вып. 1. С. 30).

* * *

Уже в XVI в. постепенно формируется новый тип исторических произведений и новое отношение к самому историческому материалу. Старые летописные принципы работы – составление сводов, исторических компиляций с сохранением в их составе предшествующих исторических сочинений как своего рода документального материала⁷ – в XVI в. в значительной мере поколеблены. Авторы исторических сочинений XVI в. стремятся к проведению в основном двух новых принципов: *единства точки зрения* на исторические события и *единства темы* исторических сочинений.

Требование *единства точки зрения* на весь описываемый исторический процесс называется прежде всего в отношении авторов к материалу, послужившему источником их работы. Летописцы предшествующих XI–XV вв. подвергали тексты используемых ими летописей весьма скупой и осторожной переработке. Они пытались *сохранить* тексты своих источников. Поэтому в летописи не было единой авторской точки зрения, а выражались взгляды многих авторов, более или менее поверхностно редактировавшиеся последним из летописцев, объединявшим летописные тексты своих предшественников. В летописи до XVI в. господствует многоголосость. Историки же XVI в., будь то автор «Степенной книги» или автор «Истории о Казанском царстве», усиленно перерабатывают используемый ими материал, стремясь к единству всего повествования: идейному и даже стилистическому. Они стремятся к строгому и постоянному подчинению всего исторического повествования единой авторской точке зрения. Политическая точка зрения авторов исторических произведений никогда прежде не выступала с такою отчетливостью, никогда прежде не была проведена с таким упорством во всем изложении. Авторы исторических произведений XVI в. проявили необыкновенное трудолюбие в преодолении всяческих трудностей на этом пути, в том числе и стилистических (вспомним стилистическую отделку «Степенной книги», «Истории о Казанском царстве» и др.). Появляется последовательно проведенная единая точка зрения автора, развивается индивидуальный авторский стиль, гораздо резче выраженный, чем раньше.

Требование *единства темы* привело к образованию нового типа исторического повествования: сочинений, посвященных ограниченному историческому периоду или одному историческому лицу. Предшествующие летописи, как правило, начинались «от сотворения мира» либо от начала Русской земли. Даже узкоместные летописи открывались обычно с сокращенного изложения событий, описанных в «Повести временных лет», или с кратких выдержек из хронографов. Этот летописный тип изложения сохраняется и в XVI в. (Никоновская летопись, Лицевой свод), но рядом с ним вырастает и новая форма исторического повествования: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», посвященный *только* Грозному; «История о великом князе московском Иване Васильевиче», также посвященная *только* Грозному; «История о Казанском царстве», повествующая только о Казани, и др. Во всех этих произведениях единство темы облегчало пронизывание всего повествования единством точки зрения, и, напротив, единая точка зрения приводила к сужению исторического повествования до одной темы: биографии монарха, описания истории одного города, княжества или до обзора исторических событий ограниченного периода.

Но, кроме этих двух взаимосвязанных новшеств исторического повествования XVI в. – единства точки зрения на исторические события и единства темы исторического повествования, – уже XVI в. дает себя знать и в пробуждении интереса к исторической личности. Именно историческая личность становится в центр повествования «Летописца начала цар-

⁷ См. мою статью «О летописном периоде русской историографии» (Вопросы истории. 1948. № 9).

ства», «Истории о великом князе московском», «Степенной книги». В Никоновском летописном своде этот интерес к исторической личности проявляется в риторическом развитии характеристик (особенно некрологических), в снабжении упоминаний об исторических лицах генеалогическими справками, в подробных мотивировках действий тех или иных исторических лиц.

Необходимо отметить, однако, что на первых порах речь может идти только о развитии *интереса* к историческим личностям, к повышению их *веса в историческом повествовании*, но не о появлении *нового* отношения к этим личностям, не о новом понимании их характеров. Это достаточно отчетливо видно хотя бы на примере «Степенной книги». «Степенная книга» служит ярким образцом интереса к личности русских исторических деятелей. Вся русская история сводится в ней к биографиям великих князей и митрополитов, к их характеристикам. Но в каждой из этих биографий и характеристик нет еще пока ничего качественно нового. Весь арсенал средств для характеристик заимствован в «Степенной книге», как это неоднократно отмечалось уже, из житийной литературы или – реже – из «Хронографа». «Степенная книга» была явлением, параллельным макариевским Четым минеям, и не случайно, что обе эти «энциклопедии» XVI в. вышли из одного и того же кружка книжников. Но житийная похвала не была еще характеристикой в полном смысле этого слова: «Житие – не биография, – говорит В. О. Ключевский, – а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии – не портрет, а икона»⁸.

Следовательно, XVI в. отмечен ростом интереса к историческим личностям, но этот рост – пока лишь количественный; качественно интерес этот остается все тем же. Новое понимание человеческого характера начинает слагаться лишь в произведениях XVII в., посвященных «Смуте»⁹. Они-то и составят главный предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

* * *

Исторические сочинения первой половины XVII в., посвященные «Смуте», резко отделяются от предшествующих летописей рядом особенностей, и в первую очередь повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением. Характеристики составляют отныне одну из главных целей исторического повествования, они не только увеличиваются количественно, но и изменяются качественно. По сути дела, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева представляет собою собрание характеристик деятелей «Смуты» и событий «Смуты». Вследствие этого автор не стремится к фактической полноте и последовательному хронологическому изложению событий. Тимофеев не столько описывает факты, сколько их обсуждает. Его «Временник» не отличается в том, что касается событий после правления Шуйского, последовательной связью изложения: это очерки и характеристики, в особенности последние.

Так же точно и «Словеса дней и царей и святителей московских» Ивана Хворостинина состоят в основном из характеристик деятелей «Смуты», начиная от Бориса Годунова. Во вступлении к своему труду Хворостинин выясняет цели своего труда: он желает описать «пастырей наших детели», подвиги «великодушных муж, и бескровных мучеников, и победоносцев»¹⁰.

⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 314–315. См. подробнее ниже, гл. 6.

⁹ Здесь и ниже пользуюсь выражением «Смута» лишь постольку, поскольку оно принадлежит самим писателям начала XVII в., так именно определявшим эпоху, послужившую предметом их исследования.

¹⁰ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. С. 530 (Русская историческая библиотека. Т. 13).

То же самое может быть сказано и о «Повести» кн. И. М. Катырева-Ростовского, в конце которой помещено даже особое «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах»¹¹.

В известной мере тем же стремлением к обсуждению характера исторических личностей отмечено и «Сказание» Авраамия Палицына, и «Иное сказание», и «Повесть» С. Шаховского, и мн. др.

Этим интересом к *интерпретации* событий, а не к их фиксации, и в особенности к характеристикам участников этих событий отличается вся литература о Смутном времени. Однако с наибольшей четкостью эта новая черта исторического сознания сказывается в русских статьях «Хронографа» второй редакции. Литературные достоинства второй редакции «Хронографа» и значение ее в развитии исторического знания на Руси до сих пор еще остаются недостаточно оцененными.

Самый состав «Хронографа» второй редакции обнаруживает в его авторе человека с незаурядной широтой исторических интересов. Предшествующая всемирная хронография в пределах от XI и до XVII в. в гораздо большей степени, чем русское летописание, была подчинена религиозным задачам. Всемирная история трактовалась по преимуществу как история церкви, как история православия в борьбе с ересями. Вторая редакция «Хронографа» — первый и крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии. Это отчетливо выступает в тех дополнениях, которыми распространил автор второй редакции основное содержание «Хронографа». Здесь и новые статьи из «Еллинского летописца» (преимущественно выдержки из Хроники Иоанна Малалы, касающиеся античной истории), здесь и сочинения Ивана Пересветова, и дополнения из католических хроник Мартина Бельского и Конрада Ликостена. Из этих последних выписаны статьи географического содержания (например, об открытии Америки), статьи по античной мифологии или общие статьи о магометанстве, по истории пап, по истории западноевропейских стран, по истории Польши. Все это не имело ни малейшего отношения к истории православия и даже противоречило ей. Не меньший интерес имеют и вновь включенные статьи, посвященные описанию наружности Богоматери (из слова Елифания Кипрского «О житии пресвятыя владычица наша Богородице») и наружности Христа («Описание же божественныя Христовы плоти и совершенного возраста его»). В них сказывается интерес к реальному «портрету».

Благодаря всем этим дополнениям «Хронограф» второй редакции (1617 г.) отличается значительно более светским характером, чем предшествующий ему «Хронограф» первой редакции (1512 г.). Однако наиболее отчетливо этот светский характер второй редакции «Хронографа» обнаруживается в его подробном повествовании о событиях «Смуты».

Как уже давно было отмечено¹², рассказ «Хронографа» 1617 г. о событиях русской истории XVI — начала XVII в. представляет собою единое и стройное произведение. Это ощущается не только в стилистическом и идейном единстве всего повествования, но прямо подчеркивается автором постоянными перекрестными ссылками: «о нем же впереди речено будет в Цареградском взятии»¹³, «о нем же впереди речено будет»¹⁴, «о нем же писах в царстве блаженныя памяти Феодора Ивановича»¹⁵, «о нем же писах и прежде»¹⁶ и т. п.

Важно при этом отметить, что и само это произведение, как и вся композиция второй редакции «Хронографа», идет по пути той же секуляризации исторической литературы. В

¹¹ Там же. С. 619 и след.

¹² Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 117 и след.

¹³ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 188.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 194.

нем нет ссылок на Священное Писание, нет религиозного объяснения событий. Автор не приписывает «Смуту» наказанию Божию за грехи всех русских людей, как это еще делают другие сочинители исторических произведений первой половины XVII в.

Этот светский дух пронизывает собою и всю систему характеристик деятелей русской истории. Перед нами в «Хронографе» второй редакции действительно «система» характеристик: теоретически изложенная в кратких, но чрезвычайно значительных сентенциях и практически примененная в изображении действующих лиц «Смуты». Эта «система» противостоит средневековой, она подвергает сомнению основные принципы агиографического стиля. В ней нет резкого противопоставления добрых и злых, грешных и безгрешных, нет строгого осуждения грешников, нет «абсолютизации» человека, столь свойственной идеалистической системе мировоззрения Средневековья.

В предшествующее время человек, особенно в житийной литературе, выступает по преимуществу либо абсолютно добрым, либо абсолютно злым. Исследователь творчества Пахомия Серба В. Яблонский пишет, например: «Подвижники рождаются у Пахомия такими же святыми, какими и умирают. Эта несообразность с законом естественного развития всякой человеческой жизни не препятствует трудам Пахомия быть поучительными панегириками: в жизни подвижников мы не находим ни единого темного пятна от раннего детства до блаженной кончины в старости глубокой...»¹⁷ Правда, в литературе исторической эта идеализация и абсолютизирование нарушались сплошь и рядом, но эти нарушения были бессознательными, они не входили в художественный замысел автора, они происходили под влиянием воздействия самой действительности, дававшей материал для изображения человека, или под влиянием тех литературных образцов, которые писателю служили. Противоречивые черты могут быть замечены в изображении Дракулы в «Повести о Мутьянском воеводе Дракуле» (он справедлив и одновременно извращенно жесток), в изображении отдельных летописных героев и т. д. Однако противоречивость характера исторического деятеля никогда еще не отмечалась в письменности особо. Она не осознавалась, не декларировалась авторами, хотя невольно уже и изображалась¹⁸. Никогда исторические писатели сознательно не ставили себе целью описать эту противоречивость. Она слагалась как бы стихийно, слагалась в сознании читателя, а не в намерениях и тем более не в декларациях авторов.

Впервые исторические писатели открыто заговорили о противоречивости человеческого характера только в начале XVII в. Особенно ярко это сказалось в «Хронографе» второй редакции. Человеческий характер объявляется автором второй редакции «Хронографа» сотканным из противоречий, сложным, в известной мере «относительным», соотнесенным со средой, условиями жизни, особенностями биографического порядка. «Не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем»¹⁹, — объявляет автор «Хронографа». «Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприяньственаго злокозньствия врага», — повторяет он. «Во всех земнородных ум человек погрешителен есть, и от добраго нрава злыми совратен»²⁰, иначе говоря, каждый человек в той или иной степени «совращен» от «добраго нрава», данного ему при рождении. Нет, следовательно, во-первых, людей только злых или только добродетельных, и, во-вторых, человеческий характер формируется жизнью.

¹⁷ Яблонский В. Пахомий Серб. СПб., 1908. С. 234.

¹⁸ См. об этом и у Я. С. Лурье (Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964. С. 60–63, 71). Пользуюсь случаем еще раз подчеркнуть, что стили в изображении человека определяются не только эпохой, но и жанром произведений (см. с. 215–230 этой книги и соответствующие страницы первого издания), в связи с чем возражения мне Я. С. Лурье на с. 61 его книги, основывающиеся на предположении, что я якобы рассматриваю стилистические системы «как единые и преобладающие для каждого периода», лишены оснований.

¹⁹ Попов А. Изборник... С. 186.

²⁰ Там же. С. 189, 201.

Живой пример такого «совращения» доброго нрава на злой – Иван Грозный. Первоначально Грозный – образец доброго, мудрого и мужественного царя: «Он же убо имый разум благообычен, и бысть зело благоумен, еще же и во бранех на супротивныя искусен, велик бе в мужестве, и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбро-серд же и хитр конник; той убо варварския страны аки молния борзо обтече, и вся окрестныя устраши, и прегордые враги покори. Бысть же и во словесной премудрости ритор, естество-словен, и смышлением быстроумен, доброзрачен же и благосерд в воинстве, еще же и житие благочестиво имый, и ревностью по бозе присно препоясая...»²¹ Но стоило умереть Анастасии Романовой, поддерживавшей в Грозном его «добрый» от природы нрав, как характер его резко меняется – от старого не остается и следа. Перед нами другой человек, с диаметрально противоположным характером: «Блаженная же и предобрая супруга его не во многих летех ко господу отиде, и потом аки чюжая буря велия припаде к тишине благосердия его, и не вем, како превратися многомудренный его ум на нрав яр, и нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего; во истину бо сбысться еже в притчах реченное: яко парение похоти пременяет ум незлобив. Еще же и крамолу междоусобную возлюбил, и во едином граде едины люди на другия поустил, и прочая опричиненныя нарече, другия же собственны себе учинил, земщиною нарече. И сицевых ради крамолств сына своего большого царевича Ивана, мудрым смыслом и благодатию сияюща, аки незрелый грозд дебелим воздухом отрясе, и от ветви жития отторгну, о нем же неции глаголаху, як от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть...»²²

Если в этой характеристике Грозного автор второй редакции «Хронографа» еще зависит от Курбского и, следуя за этим последним, распределяет добродетели и злодеяния Грозного во времени, относя первые к первой половине царствования, а вторые ко второй, то во всех последующих характеристиках автор второй редакции «Хронографа» уже не прибегает к такому механическому разделению свойств характера во времени. Он совмещает их одновременно в одном и том же человеке, впервые в истории русской исторической мысли сознательно создавая жизненно-противоречивые характеристики исторических лиц, создавая образы, полные «шекспировских» противоречий, драматизируя историю душевной борьбой, внося в них коллизии, борьбу и творя характеры, которые впоследствии действительно привлекли внимание драматургов.

Сознательной противоречивостью исполнена характеристика Бориса Годунова; противоположные качества его натуры как бы нарочно сопоставлены, сближены в одной и той же фразе с тем, чтобы подчеркнуть противоречие: Борис «аще и зело прорассудительное к народом мудроправльство показа, но обаче убо и царстей чести зависть излия»²³. Подробная характеристика Бориса, с которой начинается повествование о его царствовании во второй редакции «Хронографа», вся построена на этом совмещении положительных и отрицательных качеств его характера: «Сей убо государь и великий князь Борис Федоровичь Годунов в свое царство в Русском государстве градов и монастырей и прочих достохвалных вещей много устроив, ко мздоиманию же зело бысть ненавистен, разбойства и татьбы и всякого корчемства много покусився еже бы во свое царство таковое не богоугодное дело искоренити, но не возможе отнюд. Во бранех же неискусен бысть: время бо тому не настояше, оруженосию же не зело изящен, а естеством светлodusен и нравом милостив, паче же рещи и нищелюбив, от него же мнози доброкапленныя потоки приемльше и от любодаровитыя его длани в сытость напитавшися, всем бо не оскудно даяния простирашися не точию ближним своим и сыновом руским, но и странным далним и иноплеменным аки море даяния и озеро

²¹ Попов А. Изборник... С. 183.

²² Там же. С. 183.

²³ Попов А. Изборник... С. 186.

пития разливаешься всюду, яко камения и древа и нивы вся дарми его упокоишася, и тако убо цветяся аки финик листвием добродетели. Аще бы не терние завистныя злобы цвет добродетели того помрачи, то могл бы убо всяко древьним уподобитися царем, иже во всячественем благочестии цветущим. *Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага*, понеже сей перстною плотию недуговаше, зело возлюбил, и к себе вся приправливая, и аки ужем привлекаше»²⁴.

Из тех же противоречивых черт соткана и характеристика патриарха Гермогена. Признавая, что Гермоген был «словесен муж и хитроречив», составитель второй редакции «Хронографа» тут же добавляет: «но не сладкогласен», и дальше: «а нравом груб и бывающим в запрещенных косен к разрешениям, к злым же и благим не быстро распрозрителен, но ко лстивым паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть»²⁵.

Соткана из противоположных качеств в «Хронографе» и характеристика Ивана Заруцкого: «Не храбр, но сердцем лют и нравом лукав»²⁶. Достаточно сложна характеристика Козмы Минина: «Аще и не искусен стремлением, но смел дерзновением»²⁷ и т. д.

Вслед за автором второй редакции «Хронографа» эти противоречивость, контрастность человеческого характера подчеркивают и другие авторы исторических сочинений первой половины XVII в.

Прямолинейность прежних летописных характеристик по немногим рубрикам (либо законченный злодей, либо герой добродетели) исчезает в произведениях начала XVII в. Прямолинейность предшествующих характеристик отброшена – и с какою решительностью! Вслед за второй редакцией «Хронографа» наиболее резко сказывается новый тип характеристик во «Временнике» Ивана Тимофеева. Характеристика Грозного составлена Иваном Тимофеевым из риторической похвалы ему и самого страстного осуждения его «пламенного гнева». Все люди причастны греху: «...сице и сему (т. е. Грозному), осраившуся грехом, ему же причастии вси»²⁸. Тимофеев дает разностороннюю и очень сложную характеристику Борису Годунову и утверждает, что обязан говорить и о злых, и о добрых его делах: «И яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благодеяний его к миру не утаити»²⁹.

Тимофеев как бы считает себя обязанным писать о добродетелях Годунова, поскольку он пишет и о его «злотворных»: «Елика убо злотворная его подробно напишти подшахомся, *сице* и добротворивая о нем исповедати не обленимся»³⁰.

Двойственность, контрастное совмещение скверных и добрых качеств в характеристиках Тимофеев считает знаком их беспристрастности: «И да никто же мя о сих словесы уловит, иже о любославнем разделении: во овых того есмь уничижая, в прочих же, яко похваляя»³¹. И в другом месте: «...егда злотворная одинако изречена бы, добрая же от инех сказуема, нами же умолкнута, – яве неправдование обнажилось бы списателево; а иже обоя вправду известуема без прилога, всяка уста заградятся»³², т. е. никто не сможет возразить и упрекнуть автора в пристрастии, в односторонности, если он будет отмечать в человеке и злые и добрые черты. Положительная же или отрицательная характеристика лишь обнажает «неправдование» писателя, его необъективность.

²⁴ Попов А. Изборник... С. 189.

²⁵ Там же. С. 201.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 202.

²⁸ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 17.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 56.

³² Временник Ивана Тимофеева. С. 63.

Иван Тимофеев не может решить, какая из чаш весов перетянет после смерти Бориса: «В часе же смерти его никто же весть, что возодоле и кая страна мерила претягну дел его: благая, ли злая»³³.

Так же как и автор второй редакции «Хронографа», Иван Тимофеев не рассматривает злое и доброе начала в характере человека как нечто извечное и неизменное. Впервые в русской литературе писатели начала XVII в. стремятся выяснить причины появления и роста в характере исторического лица тех или иных качеств, рассматривают влияние одного человека на другого. Автор второй редакции «Хронографа» отмечает доброе влияние Анастасии Романовой на Грозного, с исчезновением этого влияния, после смерти Анастасии, меняется характер Грозного. Иван Тимофеев как один из факторов добродетели в характере Бориса отмечает доброе влияние на него со стороны царя Федора Иоанновича: «На вем вещи силу сказати, откуда се ему доброе прибыть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую... Мню бо, не мал прилог и от самодержавного вправду Феодора многу благу ему навикнути, от младых бо ногот придержася пят его часто»³⁴.

Впервые, следовательно, в русской литературе применительно к историческим деятелям был поднят вопрос о факторах, вызывающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в Средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает изменчивость характеров, как не смущают и контрасты в них. Иван Тимофеев различает в исторических деятелях следующие слагаемые их характера наряду с «естеством»: «произволение», т. е. свободный выбор человека, «за славу мирскую», т. е. тщеславие – оглядку на людское мнение, и, наконец, непосредственное влияние других людей – в данном случае царя Федора.

Перемена этих слагаемых вызывает изменения в человеческом характере. Так же как у автора второй редакции «Хронографа» Грозный, у Ивана Тимофеева Борис Годунов меняет свой характер под влиянием изменения внешней обстановки. Эта перемена картинно изображена Иваном Тимофеевым: «Сице и Борис, егда в равночестных честен бе и по цари вся добре управляя люди, тогда по всему благ являся, во ответех убо обретаешся сладок, кроток, тих, податлив же, и любим бываше всем за обиды и неправды всякия от земля изытелство, яко едину ему такову по цари праведну тогда мняху вси во всецарствии обрестися. Сего, такового правосудства ради, и к церковию помазанию вси людие земля о нем усладившися предкнушася: в получении жь толика преестествена высотою сана и несвойствена ему такова по всему чина, егда паче естества си совершено одесея преславнаго царствия превсесветлаго благолепия порфирию, тогда мирови о мнящихся ими благих солган бысть надежду, еже о нем чаянием упования лучшаго, к нему купно и душевне верою. По получении же того величеством абия претворся и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обрется; о людех варив благотворением малем и прельсти державу свою»³⁵.

Сложная и контрастная характеристика Бориса обошла всех писателей, писавших о «Смуте» после 1617 г. Она сказалась не только во «Временнике» Ивана Тимофеева, но и в «Словесах дней и царей и святителей московских» Ивана Хворостинина. У него мы видим то же совмещение в образе Бориса противоречивых качеств: «Аще бо и лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив; церкви многи возгради и красоту градскую велелепием исполни; лихоимцы укроти, самолюбных погубив, облаstem странным страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигант, облечеса и приим славу и честь от царей». А затем без всякого перехода: «И озлоби люди своя, и востави сына на отца и отца на сына, и сотвори вражду в домех их, и ненавидение и лесь в рабех сотвори, и возведе работных

³³ Там же. С. 64.

³⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 64.

³⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 80–81.

на свободныя, и уничижи господа на началствующих, и соблазни мир и введе ненависть, и востави рабов на господей своих, и власти сильных отъят, и погуби благородных много, иже нелепо есть днесь простерти слово, да не постигнет нас время, повести деюще»³⁶.

Контрастная характеристика Бориса предложена читателям и в «Повести» И. М. Катырева-Ростовского: «Бысть же той Борис образом своим и дела множество людей превозшед; ни кто бе ему от царских синклит подобен во благолепие лица его и в разсуждение ума его; милостив и благочестив, паче же во многом разсуждении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое дивное о собе творяше во дни власти своея. Но токмо едино неисправление имяше перед богом и всеми людми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаше и оболганных людей без разсуждения напрасно мучителем предаваше. И властолюбив велми бываше, и началников всего Росийского государства и воевод, вкупе же и всех людей московского народу, а подручны себе учини, якоже и самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити»³⁷.

Остались чужды этой характеристики Бориса лишь «Иное сказание», хотя и испытавшее влияние второй редакции «Хронографа», но в своей начальной части более всего зависящее от «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»³⁸, и «Сказание» Авраамия Палицына в основной своей редакции, составленное еще до 1617 г.

Проблема человеческого характера встала, таким образом, перед историческими писателями первой половины XVII в. во всей ее сложности, какая только могла быть доступна в эту эпоху. Постановка этой проблемы повлекла за собой пересмотр многих основ средневековой оценки исторических явлений, средневековых исторических воззрений в целом. Самое зло и добро в применении к человеческому характеру оказались относительными. Эту мысль прямо декларирует автор второй редакции «Хронографа», поясняя, что от зла может произойти добро, а от добра зло: «Бывает бо по случаю и пельинная лютость врачевания ради недуг в достохвалных словесех приобношается, тако же и от сеговыя злобы произыде доброта»³⁹.

Замечательно, что характеры исторических лиц показаны в произведениях о «Смуте» не изолированно. Они раскрываются в связи со слухами о них, в связи с народной молвой. В летописи не встречается передачи разных точек зрения на события, не согласных с авторской, характеристик неавторских. Между тем авторы исторических произведений о «Смуте» постоянно ссылаются на различные слухи, разговоры, толки, отчетливо осознавая значение «общественного мнения».

Автор второй редакции «Хронографа» ссылается на разговоры о ссылке Нагих в Углич⁴⁰, об убийстве Борисом царевича Дмитрия⁴¹, о поставлении Филарета Никитича⁴² и т. д.

Характеры исторических лиц показаны на фоне народных толков о них. Вот как характеризуется, например, Самозванец: «...глаголаша же о нем мнози, яко по всему уподобитися ему нравом и делом скверному законопреступнику нечестивому мучителю царю Иули-

³⁶ Памятники древней русской письменности... Стб. 532.

³⁷ Памятники древней русской письменности... Стб. 563.

³⁸ Точку зрения Е. Н. Кушевой на это произведение как на основу для позднейшей «Повести 1606 г.», известную только в составе «Иного сказания», считаю доказанной (см.: Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII в. // Учен. зап. Сарат. ун-та. 1926. Т. 5).

³⁹ Попов А. Изборник... С. 193.

⁴⁰ Там же. С. 186–187.

⁴¹ Там же. С. 188, 189.

⁴² Там же. С. 189.

ану»⁴³. Передается и мнение народа о сыне Бориса – Федоре Борисовиче: «...о нем же мнози от народа тайно в сердцах своих възрыдаша за непорочное его житие»⁴⁴.

Автор второй редакции «Хронографа» не стесняется приводить мнения, резко расходящиеся с его собственными. Он собирает все «за» и «против», подвергая их строгому разбору. Так, например, в «Хронографе» полностью переданы слова сторонников Тушинского вора о Василии Шуйском, которого автор второй редакции «Хронографа» в общем идеализирует. Эти «крамольницы» и «мятежницы» так отзывались о Шуйском: «...а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек *глуп и нечестив, пияница и блудник и всячествованием неистовен*, царствования недостоин»⁴⁵. В противовес этому мнению приводится и другое: «Сия же слышавше и мнози от народа рекоша к ним сице: „государь наш царь и великий князь Василей Иванович сел на Московское государство не сильно, выбрали его быти царем большие бояре и вы, дворяне, и все служилые люди, а пиянства и всякого неистовства мы в нем не ведаем; – а коли бы таковому совету быти, ино бы тут были большие бояре да и всяких чинов люди“»⁴⁶.

То же восприятие характера исторического лица через народную молву, слухи, иногда сплетни опять-таки встречается и во «Временнике» Ивана Тимофеева, и в «Словесех дней» Ивана Хворостинина.

У Тимофеева окружена народной молвой смерть Грозного: «Глаголаху же нецыи, яко прежде времени той, яростнаго ради зельства, от своих раб подъя угашение своя жизни, яко же и чадом его по нем они сотвориша тожде. Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светле, много сотворися радость, и весело восплескаша руками»⁴⁷.

У Хворостинина в связи с народными толками дана характеристика Гермогена: «...яко же слышахом, етери глаголюще, яко соблазн и смущение патриарх той сотворил есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами...»⁴⁸

Итак, характеры исторических героев не неизменны, они могут изменяться под влиянием других людей или с переменой обстоятельств. В них могут совмещаться и дурные и хорошие качества. Человек по природе своей ни абсолютно добр, ни абсолютно зол. Беспорочных людей нет. Противоречивость, контрастность авторских характеристик исторических лиц служат как бы удостоверением объективности их изображения, так как только таким и может быть человек в представлениях первой половины XVII в. Характер человека преломляется в толках о нем. Историческое лицо оценивается в исторической перспективе, в его «социальной функции».

Это новое представление о человеческом характере сказывается во всех деталях восприятия исторических лиц.

Старые средневековые добродетели уже лишены своего положительного значения. Безусловные добродетели оказываются относительными. Добродетели, заложенные в характере исторических лиц, сыгравших отрицательную роль в русской истории, оказываются только вредными. О Дмитрие Самозванце автор второй редакции «Хронографа» говорит: «...ко книжному прочитанию борзозрителен, но не на благо»⁴⁹. Внешность человека уже не соответствует, как раньше, его характеру. Иван Тимофеев так, например, описывает внешность своих современников, легкомысленно предавшихся Самозванцу: «Вместо разума

⁴³ Там же. С. 192.

⁴⁴ Попов А. Изборник... С. 192.

⁴⁵ Там же. С. 198.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Временник Ивана Тимофеева. С. 151.

⁴⁸ Памятники древней русской письменности... С. 556.

⁴⁹ Памятники древней русской письменности... С. 264.

только седину едину имущу и брадную власом долгость, юже являху людем и красахуся тою, яко мудрии»⁵⁰. Все большее и большее значение в характеристике исторических лиц приобретают их поведение, их действия. Это отчетливо видно в тех случаях, когда сравнение, образ, применяемый к человеку, имеет в виду его действия, но не его внутреннюю сущность, которая, как мы видели, в известной мере признавалась непознаваемой. Автор второй редакции «Хронографа» вряд ли считает патриарха Гермогена похожим на птицу и тем не менее пишет, что его «аки птища в заклетѣ гладом умориша»⁵¹.

Вследствие этой манеры применять к историческим лицам различные образные сравнения по их *функции*, по их *действию*, а не по их сущности, авторы прибегают к таким сравнениям людей, которые, казалось бы, совершенно не шли к ним с точки зрения эстетической системы нового времени: историческое лицо может быть уподоблено реке, буре, молнии, горе, раю, ограде и т. д.; оно может быть сравниваемо с различными дикими зверями, внешне мало похожими на человека. Автор второй редакции «Хронографа» сравнивает Бориса Годунова с «морем», с «езером»⁵²; Дмитрия Самозванца он называет «злорычательной бурей»⁵³. Тушинский вор – «злорычательный и кровопийца пес, или человекоядный зверь, иже лукавое око отверзе и злое рычание испусти»⁵⁴. Федор Иоаннович, говорит автор второй редакции «Хронографа», «ограда бысть многих благ, яже водами божиими напоема, или *рай* одушевлен, иже храня благодатная садовия»⁵⁵. Его же он называет «*свеща* страны Руския»⁵⁶.

Все эти несовместимые с нашим эстетическим сознанием сравнения объясняются тем, что человек подвергается характеристике по «функции», по своим «делам». Об этом прямо однажды и заявляет автор второй редакции «Хронографа», характеризуя Тушинского вора: «...се другое зло прииде, другой зверь подобен первому явился *не образом, но делы*»⁵⁷.

Внешне этот способ характеристики человека еще очень близок к средневековой системе, к системе «Хронографа» 1512 г.⁵⁸ – самые образы старые, но функция их в значительной мере новая, поскольку новым оказывается самое *видение* человеческого характера, восприятие человеческой личности, ее оценка. И то, и другое, и третье оказываются бесконечно более сложными, чем в предшествующий период, и вместе с тем более реальными, более близкими действительности.

* * *

В чем же исторические корни новых воззрений на человеческую личность, нашедших себе место в литературных произведениях начала XVII в.?

Новое отношение к человеческому характеру отразило общее накопление общественного опыта и отход от теологической точки зрения на человека, начавшийся в XVI в. и усиленно развивавшийся в XVII в.

Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклара-

⁵⁰ Попов А. Изборник... С. 192.

⁵¹ Там же. С. 201.

⁵² Там же. С. 189.

⁵³ Там же. С. 193.

⁵⁴ Попов А. Изборник... С. 197.

⁵⁵ Там же. С. 186.

⁵⁶ Там же. С. 188.

⁵⁷ Там же. С. 195.

⁵⁸ См. ниже.

ций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека.

Чтобы представить себе конкретно влияние нового социального опыта на литературу, обратимся к некоторым фактам. Мы видели выше, что обсуждению в литературе подвергались в первую очередь характеры монархов. Это далеко не случайно. Здесь сказалась новая практика поставления на царство «всею землею». Если в XVI в. Грозный в своих посланиях к Курбскому отрицал право подданных судить о действиях своего государя, утверждал богоизбранность монаршей власти, а в посланиях к Стефану Баторию насмешливо отзывался о его поставлении по «многomyтежному человеческому хотению», то вскоре после его смерти это положение резко изменилось: в 1598 г. состоялись первые выборы русского государя «всею землею». Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбудили очень серьезные сомнения.

Утвержденная Грамота Бориса Годунова 1598 г. хотя внешне и опирается еще на идею божественного происхождения царской власти, но практически объясняет необходимость власти государя чисто «земскими» причинами. Государь необходим для благосостояния своих подданных, и об этом выразительным жестом заявил сам Годунов во время своего венчания на царство: он взял за ворот свою рубашку и потряс ею, обещая и эту последнюю в случае нужды разделить со всеми для блага своих подданных.

Предвыборная горячка, несомненно, разжигала споры о достоинствах того или иного претендента на престол. Характер будущего монарха подвергался обсуждению в боярской думе, на соборе, среди ратников, в толпе народа у стен Новодевичьего монастыря, где народ, подгоняемый приставами, «молил» Годунова на царство.

Уже упомянутая нами Грамота, утвержденная 1598 г., одним из доводов в пользу избрания Годунова на царство выдвигала личные черты его характера: его государственную мудрость, его добродетели и его заботу о «воинском чине».

Черты нового отношения к власти царя мы можем найти и в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, и в грамотах патриарха Гермогена, и в июньском приговоре 1611 г., и в Грамоте, утвержденной 1613 г., и т. д.

Крестьянская война постепенно вытравливала из народного сознания старое отношение к монарху как к наследственному, богоизбранному и человеческому суду не подсудному главе государства. Человеческий суд совершился и над Годуновым, и над Василием Шуйским, и над многими самозванцами. Этот суд был сперва судом народного мнения, а затем и судом действия. Характеры монархов обсуждались людьми «юнними», «малыми», «простыми» не в меньшей, может быть, степени, чем в среде боярства и дворянства.

Вслед за монархами обсуждение личных достоинств коснулось и всех руководителей ратного и «земского» дела. Июньский приговор 1611 г. отчетливо отразил мысль о том, что начальниками должны быть люди способные, а не только бояре и княжата. История выдвинула тому конкретный образец – «говядаря» Кузьму Минина.

Черты человеческого характера стали, следовательно, предметами всеобщего обсуждения. Вопрос о них в отдельных случаях приобретал государственное значение. Вот почему и в литературе так часто начало упоминаться народное мнение.

Меньше всего в этом новом критерии для избрания «всенародным единством» монарха или военного руководителя было заинтересовано боярство. Поэтому-то характеру русских правителей относительно мало уделяют места боярские писатели начала XVII в.: Авраамий Палицын, Катырев-Ростовский и некоторые другие. К ним, напротив, весьма внимательны писатели – обличители бояр: дьяк Тимофеев, автор второй редакции «Хронографа» и некоторые другие.

* * *

Итак, дело не в том, что сильные и сложные характеры в русской истории начинают якобы появляться только с XVI в., как думал Карамзин, а в том, что сложность человеческого характера становится предметом особого внимания писателей – современников начала XVII в. Сильные и сложные характеры были в русской истории всегда, но лишь с начала XVII в. перед историческими писателями встала особая задача их замечать и описывать. Эта задача была выдвинута перед литературой самой политической жизнью, и вместе с тем она ответила внутренним потребностям развития самой литературы. Еще многое в литературе XVII в. в приемах составления характеристик исторических лиц восходит к житийной литературе, к «Хронографу», но многое уже видится по-иному. Еще форма остается старой, но уже глаз воспринимает острее и наблюдательнее прежнего. Но самое замечательное в литературе начала XVII в. – это *сознательность* введения новых принципов характеристик исторических лиц. Авторы XVII в. не только по-новому *описывают* характер исторических лиц, но высказывают *принципиальные суждения* о том, каким он им представляется.

Недалеко то время, когда и самые приемы изображения человеческого характера изменятся, улягутся в новую литературную систему.

Итак, изменение в отношении авторов XVI–XVII вв. к человеческому характеру может быть изображено в такой последовательности: первоначально растет интерес к психологии исторических личностей, и рост этот отмечен чисто количественным увеличением числа и объема характеристик в произведениях XVI в.; затем авторы исторических произведений начала XVII в. научаются по-новому изображать характер исторических лиц, замечают в нем многое такое, что не было доступно их предшественникам, и одновременно начинают высказывать новые суждения о человеческих характерах, осознавая их сложность. Каждый новый этап в этом «обнаружении» характера непосредственно вызывался исторической действительностью.

Само собой разумеется, что русской литературе предстояло пройти очень длительный путь развития, прежде чем достигнуть в изображении человеческого характера той сложности, которая отличает русскую литературу XIX в. Путь развития русской литературы в изображении человека так же сложен от начала XVII в. до XIX, как и от XI до XVII в. Начало XVII в. являет нам только первые предвестники литературы Нового времени.

Перелом начала XVII в. указывает, что в изображении человека не было застоя. Изображение человека претерпевает резкие изменения. Но этими изменениями полна вся древняя русская литература, начиная с XII в. Каждая эпоха, а иногда и каждый жанр в отдельности развивают свои стили в изображении человека.

Глава вторая

Стиль монументального историзма XI–XIII вв.

Итак, начало XVII в. показало нам тот перелом, который произошел в изображении реальных исторических лиц под влиянием воздействия действительности. Чтобы понять сущность этого перелома и его значение в литературе, необходимо вернуться к начальным этапам развития русской литературы.

Первый вполне развитый стиль в изображении человека, стиль, сильнейшим образом сказавшийся в литературе XI–XIII вв., – это стиль монументального средневекового историзма, тесно связанный с феодальным устройством общества, с рыцарскими представлениями о чести, правах и долге феодала, о его патриотических обязанностях и т. д. Стиль этот развивается главным образом в летописях, в воинских повестях, в повестях о княжеских преступлениях, но пронизывает собой и другие жанры. Он более отчетлив в летописях, составленных по указаниям князей, чем в летописях епископских, монастырских и городских, – в светских произведениях, чем в церковных. Характеристики людей, характеристики людских отношений и идейно-художественный строй летописи составляют неразрывное целое. Они подчиняются одним и тем же принципам феодального миропонимания, обусловлены классовой сущностью мировоззрения летописца.

В своем отношении к историческим событиям летопись прямолинейно официальна. Ритм истории в летописи – это ритм официальных событий. Связь между событиями также всегда официальна. История для летописца не имеет «второго плана» – скрытой экономической или даже просто психологической подоплеки. Князья поступают так, как они сами об этом объявляют через послов или на съездах. Если они и обманывают, то мотивы их обмана также на первом плане, за ними не кроется причин иного рода, чем те, о которых они сами заявляют или могли бы заявить. Летописец не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице феодальных отношений. Попасть в летописные записи – само по себе событие значительное. Летописец пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей; при этом частная жизнь этих официальных людей летописца не интересует. Если он и пишет о рождении детей у князя, об их свадьбах и пирах, то потому только, что все это – официальные события в жизни княжества, события «династического порядка».

Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений. Каждое действующее лицо летописи изображается только как представитель определенной социальной категории. Князь оценивается по его «княжеским» качествам, монах – «монашеским», горожанин – как подданный или вассал. Личность князя подчиняет себе события, интерес к князю поглощает интерес к событиям народной жизни. Каждый человек представляет для летописца свою ступень в феодальной иерархии. Все общество состоит из «лестнично» расположенных над простым, трудовым народом различных групп феодалов. Все людские отношения подчинены этой иерархии вассальных связей. Этот иерархизм дает себя сильнейшим образом знать и в летописи, и в других литературных произведениях.

Принадлежность к определенной ступени феодальной лестницы ясно ощутима в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения. Индивидуальность человека оказывалась полностью подчиненной его положению в феодальном обществе, и изображе-

ние людей в русской летописи XI–XIII вв. в сильнейшей степени следовало тем идеалам, которые выработались в господствующей верхушке феодального общества.

Эти идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень четко обозначены социально. Идеальный образ князя – один, идеальный образ представителя церкви – другой. Слабо намечены идеалы боярства – «бояр думающих» и «дружины хоробравствующей». В основном два идеальных образа доминируют в жизни, а вслед за нею и в литературе: светский и церковный.

Это не идеализация человека, это идеализация его общественного положения – той ступени в иерархии феодального общества, на которой он стоит. Человек хорош по преимуществу тогда, когда он соответствует своему социальному положению или когда ему приписывается это соответствие (последнее – чаще).

Эти идеалы, выработавшиеся в жизни и игравшие в ней значительную роль, повлияли и на письменность. Умерших, а иногда и живых литература (в первую очередь летопись и жития святых) стремится изобразить в духе этих идеалов (если автор сочувствует изображаемому) или показать их несоответствие этим идеалам (если автор не сочувствует изображаемому). Этим обуславливается относительная бедность характеристик действующих лиц летописи и житий. Но этим же обуславливается и точное соответствие характеристик нуждам господствующего класса феодального общества.

Идеалы не всех ступеней иерархической лестницы равноправны. В светской области наиболее отчетливо определился княжеский идеал. Герои летописи – по преимуществу князья, ибо их действия, как мы уже сказали, с точки зрения летописца, составляют суть исторического процесса. Вот почему княжеский идеал – наиболее разработанный светский идеал.

Характеристики духовенства в летописи – монахов, епископов, митрополитов, белого духовенства – и людей просто благочестивых целиком подчиняются идеалам церкви.

Особую группу составляют «святые». Внешне они не входят в систему феодальных отношений – светских и духовных – и не принадлежат крестьянству. Они как бы внесловны. Они вышли из жизни, но встали над ней – между земным и божественным. Трафареты в их характеристиках иные, они целиком зависят от общехристианской литературы – своей, местной и переводной. В святых подчеркиваются их странности, отрешенность от мира и его интересов.

* * *

Строгое соответствие изображения людей с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удержать за собой господствующее положение. В связи с этим вырабатывается понятие феодальной чести. Над сложной иерархией политических отношений вырастает не менее сложная иерархия чести.

Уже в «Русской Правде» размер наказаний изменяется в зависимости от положения пострадавшего, от того, на какой ступени феодальной лестницы он находится, причем защищается прежде всего честь пострадавшего, его достоинство.

Согласно «Правде» Ярослава различались побои в зависимости от того, чем они нанесены, причем за более опасные удары мечом и ранение пальца взыскивалось 3 гривны, а за удары менее опасными предметами (палкой, жердью, тыловой частью меча, ножнами меча) в четыре раза больше – 12 гривен. Это объясняется тем, что последние удары были более оскорбительными, так как выражали крайнее презрение к оскорбляемому.

Если обиженный попытается смыть нанесенное ему оскорбление и обнажит меч, то такого рода действие ненаказуемо. В «Пространной Правде» говорится: «Не терпя ли про-

тиву тому ударить мечемъ, то вины ему в томъ нетуть»⁵⁹, «Аже ли кто вынет мечъ, а не утнеть, то гривна кун»⁶⁰, «Аще ли ринеть мужъ мужа, любо от себе, любо к себе, 3 гривне»⁶¹ и т. д.

Классовое расслоение общества сказалось также и в церковном уставе Ярослава Владимировича. Здесь особо оговаривается оскорбление жен великих и меньших бояр, градских и сельских людей. Оскорбление словом каждой из этих категорий жен строго различается по налагаемой санкции. Характерно, что речь идет именно об оскорблении словом. Следовательно, вырабатываются строгие представления о феодальной чести⁶². В цифрах этих штрафов социальное расстояние между большим боярином и сельским человеком определяется отношением 1 к 14. Строже всего охранялась законом честь князя. За бесчестье князя, по «Русской Правде», полагалось обезглавление: «Князю великому за бесчестье главу снять». Смертная казнь полагалась и за восстание против князя. Князь Изяслав казнил организаторов восстания 1068 г. Князь Василько Ростиславич казнил в 1097 г. мужей князя Давида Святославича, по наущению которых он был ослеплен. Ипатьевская летопись под 1177 г. приводит следующее обращение князя Святослава Всеволодовича к князю Роману Ростиславичу: «Брате, я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть, оже ся князь извинить, то в волость, а мужъ в голову»⁶³. Таким образом, оскорбление чести феодала, как и измена ему, карались смертной казнью – так же точно и на Западе. При этом надо принять во внимание, что смертная казнь в раннефеодальном древнерусском государстве применялась исключительно редко.

Процесс образования сложной лестницы феодальных отношений закончился в основном к XII в.: великий князь, местные князья, бояре, боярские слуги. Междукняжеские отношения строятся к этому времени на основании развитого сюзеренитета – вассалитета.

Вот эта-то сложная иерархия феодальных отношений отчетливо дает себя знать в художественной литературе – в характеристиках действующих лиц летописи, житий, исторических повестей. Она налагает ясно ощутимый отпечаток на систему художественных обобщений. И это прежде всего сказывается в том, что для каждой ступени феодальной лестницы вырабатываются, как мы уже сказали, свой идеал, свои нормы поведения, в зависимости от которых и расценивается тот или иной представитель этой ступени.

Сравнительно с общинно-патриархальной формацией феодализм предоставлял большие возможности для развития личности, но эти возможности открывались по преимуществу для представителей феодального класса. Согласно представлениям феодализма, история движется отдельными личностями из среды феодалов: князьями, боярами, духовенством, и это наложило свой отпечаток на образы людей в литературе. Вот почему и обобщение в литературе XI–XIII вв. основывается на отдельных конкретных исторических личностях. Литература – летопись или житие, все равно, – в основе своих образов имеет только исторические личности. Вымышленно-обобщенных образов людей литература феодализма не знает. Вместе с тем каждое историческое лицо, как мы уже сказали, вводится в круг идеалов, располагающихся по ступеням феодальной лестницы.

Особое положение в этой «лестнице идеалов» занимал трудовой народ. Сельское население, городские ремесленники не входили в состав феодальной иерархии. Они составляли только ту основу, над которой высилась феодальная лестница. Трудовой народ находился вне этой лестницы, а следовательно, и вне лестницы феодальных идеалов. Ф. Энгельс указывал: «Все, что не входит в феодальную иерархию, так сказать, не существует; вся масса крестьян,

⁵⁹ Пространная Правда. Статья 26 // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 344–345.

⁶⁰ Пространная Правда. Статья 24 // Там же. С. 341. Ср.: Краткая Правда. Статья 9 // Там же. С. 80–81.

⁶¹ Краткая Правда. Статья 10 // Там же. С. 82–86.

⁶² Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 91–92.

⁶³ Ипатьевская летопись, под 1177 г. 1871. С. 409.

народа даже не упоминается в феодальном праве»⁶⁴. Не упоминаются в литературных произведениях и отдельные представители крестьянства, трудового народа.

Весь феодальный класс, несмотря на свою сложную многоступенчатую структуру, составляющую основу его неоднородности, в отношении трудового населения выступает как сплоченное единое целое. В первую очередь это касается княжеского рода – особенно спаянной, несмотря на все свои внутренние раздоры, части феодального класса. Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем некнязьям, в том числе и к другим представителям класса феодалов.

Тесное соприкосновение феодальной литературы и действительности, феодальной литературы и политики нашло свое отражение в строгом подчинении изображения людей идеалам феодальной верхушки.

Литература феодального периода была теснейшим образом связана с жизнью – с нуждами и требованиями феодального общества. Как мы увидим в дальнейшем, именно жизнь, а не литература, не литературная традиция выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов. Литература в основном знала только две краски – черную и белую; определение же того, какой краской писать то или иное действующее лицо, принадлежало реальной политической действительности и месту в ней самого автора. Противников своего лагеря летописец или автор исторической повести писал темной краской, сторонников – светлой. Летописец, автор и себя подчинял этикету феодального общества, вводил себя в иерархию феодализма: свое служение феодалу он переносил в свою писательскую деятельность. Летописец того или иного князя, того или иного монастыря, епископа выражал в своих творениях верность сюзерену. В большей мере, чем какой бы то ни было автор других веков, он подчинял задачи своего труда задачам служения своему сюзерену, оценивал события и людей так, как это ему подсказывали его обязанности подданного – человека, стоящего на одной из низших ступеней феодальной лестницы и связанного ее принципами. Отсюда уже отмеченная нами официальность литературы.

* * *

Как в изображениях на мозаиках и фресках XI–XIII вв., князь в летописи всегда официален, всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Его речи при переговорах и на съездах князей, перед дружиной или на вече всегда лаконичны, значительны и как бы геральдичны. Порой они звучат как призывы, обращают на себя внимание своею образностью, удачно найденными формулами, сжато отражающими всегда одну и всегда основную мысль.

Геральдичность и церемониальность не требуют пространного выражения. Они обращены вовне – к зрителю и читателю. Поступки, дела, действия, слова и жесты – основное в характеристиках князей. В летописи описываются эти действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие.

Князья в летописи не знают душевной борьбы, душевных переживаний, того, что мы могли бы назвать «душевым развитием». Князья могут испытывать телесные муки, но не душевные терзания. На всем протяжении своей жизни, как она фиксируется в летописи, князь остается неизменным. Даже в тех случаях, когда летописец и говорит о душевных колебаниях князя, кажется, что он больше взвешивает все «за» и «против», чем испытывает нерешительность. В таких случаях сама несмелость предстает как черта политических

⁶⁴ Архив Маркса и Энгельса. Т. 10. С. 280.

убеждений, а не характера. Старчески слабый князь Вячеслав Владимирович⁶⁵ выглядит в изображении летописца мудрым князем, отрешившимся от политики, хотя и продолжающим находиться на княжеском столе. Для летописца не существует «психологии возраста». Каждый князь увековечен в своем как бы идеальном, вневременном состоянии. О возрасте князя мы узнаем только тогда, когда возраст (как и болезнь) мешает его действиям. Если в летописи говорится о детстве князя, то летописец стремится и здесь изобразить его как бы в его сущности князя. Ребенок-князь начинает битву, бросая копье (Игорь), или защищает мать с мечом в руках (Изяслав), или совершает обряд посажения на коня. С момента «посага» (обычно в восьмилетнем возрасте) летописец по большей части уже не упоминает о возрасте князя, оценивая его поступки как поступки князя вообще. О юности князя летописец вспоминает только тогда, когда юноша-князь умирает и окружающие оплакивают его безвременную кончину⁶⁶.

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Характеристика князя в летописи, если она дается отдельно, состоит обычно из *перечисления* его достоинств, внешних примет и – реже – недостатков. Все свойства его ясны, отчетливы, просты. Их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы, – изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков – сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

Во второй половине XIII или в начале XIV в. неизвестный автор, рязанец по происхождению, вспоминая рязанских князей минувших времен могущества и независимости Руси, следующим образом охарактеризовал этот уже уходящий к тому времени в прошлое идеал князей: «Сии бо государи рода Владимира Святославича – сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговьского. Бяше родом христороубивыи, благолюбивыи, лецем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правде-истине пребываеши, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаеши. Святого корени отрасли, и богом насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша в благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пелен бога возлюбилы. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыми всегда беседоваша, божественных писаниях всегда во умилении послушаше. Ратным во бранех страшения ивляшеся, многия враги, востающы на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаеши. А по браце целомудрено живяеши, смотряющы своего спасения. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающы тело свое по браце греху непричастна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь, и славу от всего мира приимаеши, а святых дни святого поста честно храняеши, а по вся святых посты причащастся святых пречистых бессмертных таин. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бяшася за святых церкви и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А

⁶⁵ См.: Ипатьевская летопись, под 1149–1154 гг.

⁶⁶ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 144: «Ростислава же искавши обретоша в реце; и взявши принесоша и Киеву, и плакая по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, *уности его реди*». Здесь, очевидно, имеется в виду *народный плач*, следовательно, и неофициальная летописная точка зрения.

милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к себе принимаеа, и на веру истинную обращаета»⁶⁷. В этой «Похвале» роду рязанских князей все собрано, все сосредоточено, до предела сжато и выпукло, как в каменной резе владимиристо-суздальских соборов. Каждая черта резко обобщена и продумана, каждая деталь – следствие работы мысли многих поколений, создавших свой идеал князя, его поведения, его внешнего облика. В этой монументальной характеристике рязанские князья обрисованы такими, какими они должны казаться людям: своей братье, их послам, дружине, боярам и врагам. Куда ни обратится князь, всюду он лучший из лучших, для всех он такой, каким он должен быть, с точки зрения древнерусского автора. Для одних он грозен, для других ласков, к третьим щедр, для четвертых боголюбив, к пятым приветлив. Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен вовне – к зрителю, к окружающим. И замечательно, что в «Похвале» роду рязанских князей исчислены почти все те зрители, к которым обращена эффектная внешность князя: это бояре, приезжие, своя братья князья и греческие цари, «супостаты» – враги, «неверные цари», послы, духовенство. Ко всем этим зрителям – князь красен лицом, грозен и светел очами, всюду он первый в выполнении своих обязанностей: на пиру и в церкви, в битве и при приеме послов. Его облик легко обозрим, прост и значителен. В многоликом идеале князя, то грозном, то приветливом и величавом, находят себе место и церковные добродетели. Качества князя соединены в его облике механически: рязанские князья и «на пирование тщивы», и в посте прилежны, грозны и приветливы, до господарских потех «охочи» и «срамных человек» отвращаются, «пустошных» бесед не творят. Качества князей, их добродетели могут присоединяться к его характеристике бесконечно. Это звенья в цепи. Иногда эти качества лишены настоящей внутренней, психологической связи. Добродетелей в князе может быть столько, сколько колец в его кольчуге. Каждая «добродетель» обращена к зрителю, надета на нем, как доспех, механически соединена с соседней. Он окружается ими, как броней. Они – как бы его парадная одежда. Это хорошо подметил Даниил Заточник: «Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть: тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам»⁶⁸.

Еще отчетливее сравнение добродетелей князя с его одеянием в пространной посмертной характеристике волынского князя Владимира Васильковича. «Ты правдою бе *оболчен*, – обращается к нему летописец, – крепостью *препоясан* и милостынею яко гривною утварью златою *украшаяся*, истинною обит, смыслом *венчан*»⁶⁹. К каждому из своих зрителей князь обращается как бы в отдельности, полностью растворяясь в окружающей его феодальной среде и становясь до предела абстрактным. «Ты бе, о честная главо, – продолжает летописец, – нагим одеяние, ты бе алчущим корьмя и жажущим во вьртыпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоище, беспокровным покров, обидимым заступник, убогим обогащение, страньи приимник»⁷⁰.

То обстоятельство, что добродетели механически присоединяются к другим добродетелям без внутренней объединяющей их связи, привело к легкому совмещению идеалов светского и церковного. В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тщивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие. С другой стороны, в житийных характеристиках дружинные добродетели легко присоединяются к церковным и осеняются венцом святости.

⁶⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском: (Тексты) // Тр. Отд. древнерус. лит. (ОДРЛ) Ин-та рус. лит. АН СССР. 1949. Т. 7. С. 300–301.

⁶⁸ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника. Л., 1932. С. 16–17.

⁶⁹ Ипатьевская летопись, под 1289 г. С. 607.

⁷⁰ Там же. С. 607–608.

Так было в характеристиках князей, погибших от татар, так было и в «Житии Александра Невского».

Христианское мировоззрение при изображении людей было поставлено на службу укреплению феодального строя. Оно вступало в силу по преимуществу там, где речь заходила о правовых преступлениях: об убийстве, ослеплении, вероломстве, нарушении крестного целования и т. д. Убийство Игоря Ольговича побудило летописца обратиться к житийным образцам, то же можно сказать об убийстве Андрея Боголюбского и о многих других преступлениях периода феодальной раздробленности.

Характерно проникновение церковного элемента по преимуществу в изображение отрицательных персонажей светских произведений – врагов внешних и внутренних. Положительный идеал был главным образом светский; церковные добродетели лишь механически присоединялись в характеристике светских героев к основным светским, феодальным добродетелям. Но коль скоро речь заходила о дурных поступках, о врагах, летописец становился целиком на церковную точку зрения и приписывал отрицательному персонажу по преимуществу церковные грехи и недостатки. В церковной литературной традиции светский автор находил сильные слова осуждения, яркие краски и твердую почву для морализирования.

В изображении отрицательных персонажей сказывался и христианский психологизм, когда делались попытки проникнуть во внутреннюю жизнь действующего лица. Летописец в гораздо большей степени, чем в изображении положительных героев своего повествования, стремился психологически объяснить поступки врага, описать внутренние побудительные причины его дурных поступков. Правда, этих побудительных причин немного: гордость, зависть, честолюбие, жадность.

Внешний враг устремляется на Русь «в силе тяжце», «пыхая духом ратным», под влиянием зависти, которую вложил ему в сердце дьявол, «устремившись прияти град и землю»⁷¹, «надеяся объяти землю, потребити море»⁷². Владимир Мстиславич нарушает крестное целование, так как был к братии своей «верьтлив» и «не управливаше к ним хрестьного целования»⁷³.

Однако и в отношении к отрицательным персонажам писатель XI–XIII вв. не в меньшей степени официален, чем в отношении к положительным героям своего повествования. Отрицательный герой летописи – это внешний враг, всякий противник того князя, которому сочувствует летописец. Отрицательные персонажи летописца найдены им не по их внутренним отрицательным свойствам, а по тому внешнему положению, которое они занимали в феодальной и классовой борьбе своего времени. Характерно, что многие отрицательные психологические свойства противника определены летописцем также с этой официальной, служебной позиции. Один из самых отрицательных персонажей Ипатьевской летописи – князь Владимирко Галицкий. Его главная черта – жадность; он действует не прямо, не войной, а подкупом, деньгами. В этом изображении Владимирки сказалась ненависть представителя беднеющего Киевского княжества к гораздо более богатому в XII в. княжеству Галицкому. Беднеющий Киев презирал молодой и богатый Галич. Это презрение воплотилось в отрицательном образе «многоглаголивого» Владимирки Галицкого, действовавшего деньгами, а не оружием, жадного к добыче и беспощадного в своей жадности⁷⁴.

⁷¹ Ипатьевская летопись, под 1229 г. С. 507.

⁷² Там же, под 1217 г. С. 492.

⁷³ Там же, под 1171 г. С. 374.

⁷⁴ «И вда Всеволоду Володимирко за труд 1000 и 400 гривен серебра, переди много глаголив, а последи много заплатив», – говорит о нем летописец (Ипатьевская летопись, под 1144 г. С. 226). В противоположность Владимирке Всеволод Киевский роздал все серебро «кто же бяшет с ним был». Об ограблении Владимирком жителей Мьческа см.: Ипатьевская летопись, под 1150 г. С. 289: «Они же не имяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро из ушью и с ши,

Литературные портреты князей XII–XIII вв. так же лаконичны, энергично выписаны и просты, как и их портреты живописные. На иконе XII в. Третьяковской галереи из Новгородского Юрьева монастыря Георгий Победоносец стоит со щитом за спиной, с копьем и мечом в руках, с кесарским венцом на голове. Все атрибуты власти при нем, оружие при нем; вспоминаются слова из «Изборника» Святослава 1076 г.: «красота воину – оружие»⁷⁵. Одежды Георгия тщательно выписаны и поражают богатством. Он обращен к зрителю, как бы позирует перед ним и прямо смотрит на него. Все в нем различимо, ясно. Он изображен не в один из моментов своей жизни, а таким, каким он должен представляться зрителю всегда. Художник стремился изобразить все присущие ему признаки, а не какое-то из его временных состояний. Таков же Дмитрий Солунский на иконе XII в. (в Третьяковской галерее) или Ярослав Всеволодович на фреске новгородской церкви Спаса на Нередице. Художник и писатель стремятся к эмблематическому изображению, к передаче признаков и знаков достоинства.

И в литературе, и в живописи перед нами, несомненно, искусство монументальное. Это искусство, способное воплотить героизм личности, понятия чести, славы, могущества князя, сословные различия в положении людей. Бесстрашие, мужество, феодальная верность, щедрость, поскольку все они выражались в поступках и речах, были «доступны для обозрения» читателя, не скрывались в глубине личности, были выражены явно – словом, делом, жестами, положением, могли быть переданы летописцем без особого проникновения в тонкости психологии.

В образах князей этого времени отразился идеал мужественной красоты. Этот идеал приобретал особую торжественность и парадность под пером летописца, будучи поставлен им на службу интересам феодалов.

Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно каменным барельефам владимиро-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей. Литературные способы характеристики князей согласуются со способами описания их действий, поступков, подвигов. И в этих описаниях писатели XII–XIII вв. также полны заботы о соблюдении этикета, о максимальном обобщении эпизодов, о зрительном, внешнем их эффекте в первую очередь.

Говоря о князе, о *своем* князе, летописец постоянно изображает его в парадных и официальных положениях: князь во главе своего войска; князь въезжает в свой город, его радостно встречают жители; князь «думает» с боярами; князь принимает и отряжает послов; князь первым кидается в битву и «ломает копье»; тело князя с плачем хоронят жители, называя его защитником «сирых», «кормителем» и «нищелюбцем». Перед нами несколько церемониальных положений, каждое из которых прямо годилось бы для печати князя как его эмблема. В каждом из этих положений князь предстает перед читателем прежде всего как князь, в ореоле княжеской власти и княжеской славы. Именно такие положения встречаются на иконах, на стенах храмов или на монетах (монета Владимира с изображением его сидящим на престоле в иератической позе и выразительной подписью: «Володимер на столе, а се его серебро»).

Князь предстает перед читателем или зрителем во всем блеске его княжеского достоинства. Летописец ловит его слова, фиксирует их, передает их в наиболее обобщенной форме – почти как сентенции, подчеркивает их мудрость и дальновидность, рисует князя только в значительные и торжественные моменты его жизни.

сливающе же серебро даяхуть Володимеру. Володимер же поймав серебро и поиде, такоже емля серебро по всим градом, оли и до своей земли».

⁷⁵ Шимановский В. Сборник Святослава 1076 г. 2-е изд. Варшава, 1894. С. 11. На это место «Изборника» обратила мое внимание Н. А. Демина.

Вот Михалко и Всеволод въезжают во Владимир со славою и честью великою. «Узревшие князя своя», выходят им навстречу владимирцы и духовенство с крестами⁷⁶. В иных случаях народ, встречая возвращающихся с победой князей, поет им славу⁷⁷.

Вот изображение победившего врагов Мстислава Мстиславича Галицкого. Он въезжает в Галич, встречается там с Даниилом Романовичем. «Вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бегающе по земле истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от Бога Руской земле»⁷⁸. Побежденный враг – Судислав – обнимает колени Мстислава: «Обуимая нозе его, обещаюся работе быти ему»⁷⁹. Мстислав же прощает врага: «и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему»⁸⁰.

Еще более эффектно и импозантно картины парада княжеского войска с князем во главе. Парад войск Даниила Романовича описан под 1251 г. Воины Даниила представлены во всем их блеске: «Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцу восходящу, копиемь же их дръжащим в руках яко тръсти мнози, стрелцемь же обапол идущим, и держащим в руках рожанци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне сидящу и вое рядящу»⁸¹. В следующем году Даниил Романович показывает войско свое немцам. В описании этого смотра еще большая роль принадлежит самому Даниилу. «Данила же приде к нему (к венгерскому королю. – Д. Л.), исполчи вся люди свое. Немыци же дивящиеся оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающася. Сам же еха подле короля, по обычаю руску: бе бо конь под нимь дивлению подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожих же оловира грецького и круживы златыми плоскими ошит, и сапозы зеленого хъза шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся»⁸². Фигура князя привлекает внимание летописца и в битве, когда князь обнажает меч, когда он ранен, когда оружие его в крови или пострадало от ударов врага: «И сулици его кроваве сущи и оскепищу изсечену от ударенья мечеваго»⁸³, – говорит летописец о Данииле в битве с венграми.

Большинство положений князя, в которых описывает его летописец, связаны с княжеским этикетом, они в какой-то мере церемониальны. Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда «у стремени», что символизировало собой вассальную службу князя, его стояние «на костях» после битвы, «обличающее» победу⁸⁴, и т. д. Важно отметить, что во всех этих церемониальных положениях большое значение придавалось общественному признанию князя. Въезды князя в город после победы, для посажения на столе, встречаются сочувственно народом. Князь въезжает в город «с великою славою и честью»⁸⁵, а иногда летописец упоминает, что князю пелась слава, что народ встречал его, как пчелы встречают матку⁸⁶.

«Геральдические» положения найдены летописцем не только для своих, но и для врагов – например, для Севенча Боняковича, стремившегося ударить своим мечом в Золотые ворота Киева, как ударил в них когда-то его отец – хан Боняк, или для Владимирки Галиц-

⁷⁶ Ипатьевская летопись, под 1176 г. С. 408.

⁷⁷ Там же, под 1236 г. С. 517–518.

⁷⁸ Там же, под 1219 г. С. 493.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, под 1251 г. С. 540.

⁸² Ипатьевская летопись, под 1252 г. С. 540–541.

⁸³ Там же, под 1232 г. С. 512.

⁸⁴ См., например: Там же, под 1249 г. С. 534: «И Льв ста на месте, воиномь посреде трупья являюща победу свою».

⁸⁵ Там же, под 1140 г. С. 217; под 1142 г. С. 223; под 1146 г. С. 233; под 1150 г. С. 288 и мн. др.

⁸⁶ Ипатьевская летопись, под 1235 г. С. 517–518.

кого, обманувшего русских послов, лежа в постели, и посмеявшегося над другим послом, стоя на переходах из своего дворца в божницу. Слова того и другого выражают в лаконичной и почти «геральдической» форме смысл их действий: «Хочу сечи в Золотая ворота, – говорит Севенч Бонякович, – якоже и отец мой»; «поеха мужь русский, обуирав вся волости»⁸⁷, – говорит Владимирко Галицкий. Свежесть и сила этих эпизодов не в том, что в них отражен какой-то новый подход к событиям, а в том только, что самые события для изображения взяты в них не совсем заурядные.

Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход «в силе тяжце»⁸⁸ или в момент своего поражения, когда он бежит с позором, «дав плечи», или обнимает ноги победителя, «обещаяся работе быти ему»⁸⁹. Боярин Доброслав выезжает «с великою гордынею», «во одной сорочце, гордящу, ни на землю смотрящую»⁹⁰.

В этих изображениях внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив – в той мере, в какой это полагается ему там, где это нужно по «этикету». Все совершается им в своем месте и в свое время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Болезнь князя описывается тогда, когда он болен смертельно. Въезд князя в город описывается тогда, когда он приезжает с победой из похода или для того, чтобы сесть на столе. Совет князя с боярами описывается тогда, когда принимается какое-либо мудрое решение. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, во-первых, и как исторический деятель, во-вторых.

Миниатюры Радзивилловской летописи выдержаны в едином стиле с текстом летописи XII–XIII вв. Они этикетны и геральдичны в самом точном смысле. В них иллюстрируются главным образом те положения, которые связаны с церемониалом и которые необходимо упомянуть по этикету. Посаждение князя на стол, въезд его в город, победа над врагами, прием послов, сцены инвеституры, осада князем или врагами города, подвиг князя в битве, походы князя, выезд в поход, переговоры о мире и т. д. и т. п. – все эти действия воспроизведены до предела лаконично. Войско изображается условной группой, город – воротной башней, мирные переговоры – трубами и т. д.⁹¹

Хотя миниатюры Радзивилловской летописи и относятся к концу XV в., но по выбору сюжетов, по проникающему их духу феодального этикета они ближе всего стоят к XII и XIII вв., подтверждая тем самым гипотезу М. Д. Приселкова⁹², А. В. Арциховского⁹³ и других о том, что они копировали миниатюры более древние – Владимирского свода 1212 г.

* * *

Подобное изображение людей было, конечно, близко к их прославлению. Там, где древнерусский автор сознательно стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, обычно ясно ощущается и стремление прославить его или, напротив, уни-

⁸⁷ Там же, под 1152 г. С. 319.

⁸⁸ Там же, под 1237 г. С. 520; под 1240 г. С. 522 и др.

⁸⁹ Там же, под 1219 г. С. 493.

⁹⁰ Там же, под 1240 г. С. 525.

⁹¹ Интересные особенности передачи в миниатюрах Радзивилловской летописи ряда сюжетов, отражающих феодальную идеологию «с диаграммной четкостью» и «плакатной выразительностью», вскрыты в работе А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944).

⁹² Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 58.

⁹³ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. См. также рецензию Н. Н. Воронина на эту работу в «Вестнике Академии наук СССР» (1945. № 9).

зять. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем «Слове на седьмую неделю по Пасце» Кирилл Туровский: «Историцы и ветиа, рекше летописци и песнотворци, прикланяють своа слухы в бывшая между царей рати и ополчения, да украсять словесы слышашая и възвеличать крепко храбровавшая и мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчають»⁹⁴.

Общественное признание, «слава» князя, его «честь» – спутники феодальных добродетелей князя в писательском представлении того времени. Авторы XII–XIII вв. не знают коллизий между тем, что представляет собой князь, и тем, как воспринимают его окружающие: его вассалы и народ. Как мы уже сказали, добродетели князя все обращены вовне, доступны для оценки; авторы XII–XIII вв. не изображают скрытой, внутренней духовной жизни, которая могла бы быть неправильно понята окружающими. Вот почему добрая слава неизменно сопутствует доброму князю и служит как бы удостоверением его феодальных добродетелей. Вот почему в похвале князю, живому или мертвому, так часто говорится о его славе, о любви к нему народа.

Когда умер Владимир Мономах, «весь народ и вси людие по немь плакахуся, якоже дети по отцю или по матери»⁹⁵. По Изяславе Мстиславиче «плакалась» «вся Руская земля и вси Чернии Клобуци»⁹⁶. По Мстиславе Ростиславиче плакали все новгородцы – «все множество новгородское, и силнии, и худии, и нищии, и убозеи, и черноризьске»⁹⁷ и т. д. Плач по умершему – это и прославление князя, его заслуг, его доброты, его храбрости, обещание не забыть его доблести и его «приголубления». «Уже не можем, господине, – плачут новгородцы по Мстиславе Ростиславиче, – поехать с тобою на иную землю, поганих поработити во область Новгородскую: ты бо много молвяшеть, господине наш, хотя на все стороне поганиа; добро бы ныне, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу новгородцем от поганих, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом»⁹⁸. Все эти плачи и прославления, конечно, далеки от передачи действительных: они в высокой степени литературны и традиционны.

Есть и другая сторона в этом общественном признании князя. Князь и вассалы, князь и народ составляют единое целое, связанное феодальными отношениями. Народ составляет неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя. Народ как бы только обрамляет группу князей. Он выражает радость по поводу их посажения на стол, печаль по поводу их смерти, поет славу князьям при их возвращении из победоносных походов; он всегда выступает в унисон, без единого индивидуального голоса, массой, в которой неразличимы отдельные личности, хотя бы безымянные, вроде тех безликих групп, которые условно изображаются на иконах и фресках аккуратно разрисованными рядами голов, за ровным первым рядом которых только едва выступают верхушки голов второго ряда, за ним третьего, четвертого и т. д. – без единого лица, без единой индивидуальной черты. Их единственное отмечаемое достоинство – верность князю, верность феодалу.

Это вполне согласуется с основами феодальной идеологии. Князья постоянно требуют от населения верности себе. В свою очередь, и население неоднократно заверяет в летописи князя о своей верности. Верность, преданность и любовь к князю народа окружают его, как ореолом. Могущество феодала тем больше, чем более преданы ему народ и вассалы. Чтобы

⁹⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. 1. С. 167.

⁹⁵ Ипатьевская летопись, под 1126 г. С. 208.

⁹⁶ Там же, под 1154 г. С. 323.

⁹⁷ Там же, под 1178 г. С. 413.

⁹⁸ Ипатьевская летопись, под 1178 г. С. 413.

возвеличить князя, надо подчеркнуть преданность ему его людей, готовность их в любое время выступить со своим князем по его призыву.

Описания преданности горожан своему князю обычны в летописи: народ, горожане, вассалы постоянно изъявляют готовность сложить за своего князя головы, заверяют его в своей верности и любви к нему. Изяслав Мстиславич входит в Киев, «хваля и славя бога... и выидоша противу ему множество народа и игумени с черноризци и попове всего города Кыева в ризах»⁹⁹. Горожане радуются княжескому «седению» в их городе¹⁰⁰. Они действуют по формуле: «Мы людие твое, а ты еси нашъ князь»¹⁰¹. Подобно тому как полки «жадахуть боя» за своего князя¹⁰², и горожане заявляют князьям: «Аче ны ся и (с) детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя»¹⁰³ или: «Кде узрим стяг ваю, ту мы готовы ваю есмы»¹⁰⁴. Горожане обещают князю оставаться верными в самых сильных выражениях: «...оли ся с ним, смертию розлучити», – говорят смоляне о сыне Ростислава Мстиславича¹⁰⁵. Галицкий летописец дал в своих записях красочное описание встречи горожанами своего князя Даниила Романовича: «Они же вокликнувшє реша: „яко се есть держатель нашъ, Богом даный“ – и пустишася яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику»¹⁰⁶.

Самому суровому осуждению подвергаются летописцем те горожане, которые проявляют к князьям «злое неверьствие»¹⁰⁷, и, напротив, получают одобрение те, которые твердо держатся своего князя, своей княжеской ветви – «племени Володимера»¹⁰⁸ или «племени» Мстислава и не могут «руку подъяти» на его представителей¹⁰⁹. Во всех случаях изъявления преданности горожане выступают как единое целое – безликой и сплоченной массой. Душевные движения всех новгородцев как единого целого широко представлены, например, в Новгородской первой летописи. Новгородцы то радуются своему князю, то печалются его неудачам, то выражают ему преданность. Их отношения с князьями идилличны. Новгородцы заявляют Мстиславу Мстиславичу: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем»¹¹⁰. Они идут с ним на юг, но под Смоленском отказываются идти дальше, и тогда Мстислав, «человав всех, поклонився поиди»¹¹¹. Впрочем, на следующий год сам Мстислав отказывается от новгородцев – «суть ми орудия в Руси, а вы вольни в князех»¹¹², – и новгородцы не в обиде. Патетически заявленная верность князя народу и народа князю могла при известных условиях нарушаться со взаимного согласия. Во всяком случае, нарушения верности не становились реже от того, что верность эта прокламировалась при всяком удобном случае с аффектацией и официальной торжественностью.

Верность народа, дружины князю подкрепляется феодальной верностью ему его вассалов. Верность – основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изобра-

⁹⁹ Лаврентьевская летопись, под 1146 г. // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1. Вып. 2. С. 313.

¹⁰⁰ Ипатьевская летопись, под 1160 г. С. 345.

¹⁰¹ Там же, под 1159 г. С. 339.

¹⁰² Там же, под 1174 г. С. 391.

¹⁰³ Там же, под 1159 г. С. 339.

¹⁰⁴ Там же, под 1149 г. С. 268; Там же, под 1146 г. С. 230.

¹⁰⁵ Там же, под 1168 г. С. 362.

¹⁰⁶ Там же, под 1235 г. С. 517–518.

¹⁰⁷ Ипатьевская летопись, под 1147 г. С. 250.

¹⁰⁸ Там же, под 1173 г. С. 383 (о новгородцах).

¹⁰⁹ Лаврентьевская летопись, под 1140 г. С. 308. «Кияне же рекоша: „Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти“» (Ипатьевская летопись, под 1147 г. С. 243; ср.: Там же. С. 246).

¹¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1214 г. М.; Л., 1950. С. 53.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, под 1215 г. С. 53.

жении летописца. Главная обязанность вассалов – «ездить подле стремени князя»¹¹³, т. е. верно выполнять князю военную службу, участвовать в его походах и войнах. Мужики целуют крест своим князьям «добра хотети и чести стеречи»¹¹⁴. Вассалы князя выражают готовность немедленно прийти к нему на помощь. Венгры говорят Изяславу Мстиславичу, что они «готовы», а «комони» «под ними»¹¹⁵. Черные клобуки заверяют Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича: «Хочем же за отца вашего за Вячслава и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью, и головы свое сложити, да любо честь вашу налезем, пакы ли хочем с вами ту измерети»¹¹⁶. То же говорят и берендеи Юрию Долгорукому: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя съскладаем за твою честь»¹¹⁷. Обещание умереть за своего сюзерена Владимира Васильковича дает и Литва: «Володимере, добрый княже, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы». Литовцы же говорят ему, приходя к Берестью: «Ты нас возвел, да поведи ны куда; а се мы готовы, на то есмы пришли»¹¹⁸.

Атмосфера неуклонного выполнения вассальной службы князю служит его возвеличанию. В вассальную службу включается даже боевой конь князя. Преданность коня служит как бы назидательным примером для вассалов князя и заставляет воздать ему почести. Конь Андрея Боголюбского, пожертвовав собой, спас ему жизнь и был им похоронен с почестями: «Конь же его (Андрея Боголюбского. – *Д. Л.*), язвен велми, унес господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комонства его, повеле и погresti над Стырем»¹¹⁹.

Вассальная верность далеко не бескорыстна. Она оплачивается князем его «лаской», «хлебом», «медвяной чашей» и дорогим «портищем», но от этого отнюдь не становится в глазах писателя XII–XIII вв. менее похвальной. Напротив, авторы часто говорят с похвалой о верности, как бы оплачивающей доброту князя.

Верность князю так выразил в своем «Молении» Даниил Заточник: «Яз не могу, как на свет посмотрити и на луну солнечну, то аз, госпоже осподарыне, на государя подумати за его доброту и ласку, и за портище драгоценное, и за его хлеб и сол, и за чашу медвяную»¹²⁰. О том же портище вспомнил и Кузьмище Киянин, когда упрекнул за измену своему князю Андрею ясина Амбала: «Помнишь ли... в которых порьтех пришел бяшетъ (к князю. – *Д. Л.*)? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежить»¹²¹. О хлебе и чаше говорит летописец и в похвале ростовскому князю Васильку Константиновичу: «Кто ему (Васильку. – *Д. Л.*) служил и хлеб его ел, и чашу пил, и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его»¹²². Феодалная верность – это как бы плата вассала за его кормление и защиту. За измену своему князю Даниил Заточник предлагает: «За тую лихую меру от булатна меча своею мне головкою отлити та чаша медвяная кровию»¹²³. Медвяная чаша отольется изменнику чашею крови. Измена князю – самое большое преступление, и в действительности за нее полагалась смертная казнь¹²⁴.

¹¹³ Ипатьевская летопись, под 1147 г. С. 245; под 1152 г. С. 320.

¹¹⁴ Там же, под 1150 г. С. 278.

¹¹⁵ Там же. С. 287.

¹¹⁶ Там же, под 1151 г. С. 295.

¹¹⁷ Там же, под 1155 г. С. 330.

¹¹⁸ Там же, под 1282 г. С. 586.

¹¹⁹ Ипатьевская летопись, под 1149 г. С. 272–273.

¹²⁰ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника. С. 36.

¹²¹ Ипатьевская летопись, под 1175 г. С. 401.

¹²² Лаврентьевская летопись, под 1237 г. С. 467.

¹²³ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника. С. 36.

¹²⁴ См. выше.

* * *

Отношения вассалитета-сюзеренитета определяются взаимными обязанностями. Строгое выполнение вассалами своих обязанностей укрепляет авторитет сюзерена. Строгое выполнение сюзереном своих обязанностей по отношению к вассалам укрепляет его еще более. Авторы XI–XIII вв. ставят князя на пьедестал вассальных повинностей и украшают его обязанностями сюзерена.

Если князь не считается со своими вассальными князьями, они отказываются ему служить. Так было с Юрием Долгоруким, которому южные князья прямо бросили упрек: «... но с нами не умеет жити»¹²⁵.

Повинности князя по отношению к своим боярам и дружине определены четко. Князь должен быть щедр к ним и во всем советоваться с ними – «о строем землею» и о воинских делах. Иногда эти обязанности князя разделены: среди его приближенных есть «мужи храборствующие», к которым он щедр, и «бояре думающие», с которыми он совещается в совете¹²⁶.

Щедрость князя находит своеобразное идейное обоснование в афоризме летописца: «Златом и серебром не добудешь дружины, а дружиною добудешь и серебро и злато». «Повесть временных лет» неоднократно напоминает об этой дружинной морали.

Так, например, в рассказе «Повести временных лет» о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Се ни в что же есть, се бо лежить мертво, – говорят послы о богатствах Святослава. – Сего суть кметье лучше. Муже бо ся доищють и больше сего»¹²⁷. В сходных выражениях говорит в «Повести временных лет» и Владимир Святославич: «Сребромъ и златом не имамъ налести дружины, а дружиною налему сребро и злато, яко же дед мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра»¹²⁸.

С небольшими вариантами эта мораль постоянно повторяется и в летописях XII–XIII вв. Князь Святослав Ростиславич был «храбор на рати», «имеяше дружину (в чести) и именья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине»¹²⁹. Тот же мотив звучит и в характеристике Давида Ростиславича: «Бе бо крепок на рати, всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не сбираеть, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злая кажня, якоже подобаеть царемъ творити»¹³⁰. Щедрость князя восхваляется в летописи неоднократно¹³¹, как неоднократно осуждается в ней и княжеская жадность¹³². Эта мораль отчетливо выражена в «Молении» Даниила Заточника. Неоднократно взывая к щедрости князя, Даниил прямо повторяет и летописную формулу: «Златомъ бо мужей добрыхъ не добудешъ, а мужми злато и серебро и градовъ добудешъ»¹³³.

¹²⁵ Ипатьевская летопись, под 1148 г. С. 257; ср.: Там же, под 1150 г. С. 276.

¹²⁶ Ипатьевская летопись, под 1185 г. С. 434.

¹²⁷ Повесть временных лет. Т. 1, под 1075 г. С. 131.

¹²⁸ Там же, под 996 г. С. 86.

¹²⁹ Ипатьевская летопись, под 1172 г. С. 376.

¹³⁰ Там же, под 1197 г. С. 471.

¹³¹ Там же. С. 288, 290 и др.

¹³² Ипатьевская летопись, под 1150 г. С. 289.

¹³³ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника. С. 60; ср.: Там же. С. 17.

Другая обязанность князя по отношению к своей дружине и боярам – во всем советоваться с ними. Как известно, отступление князя Святополка от этого правила вызвало конфликт между ним и старшей дружиной¹³⁴.

Было бы неправильно видеть в обычае князей советоваться с дружиной их консерватизм, остатки военной демократии. Авторы XII–XIII вв., восхваляя князей, неоднократно говорят об этом обычае, выставляя следование ему одной из важнейших добродетелей князя.

¹³⁴ См.: Софийская первая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. С. 8, 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.